

Я ничего не знал об Исикаве. До самого конца не подозревал, почему она плакала в обсерватории.

Есть эмоции, на которые не понимаешь, как реагировать. Вмешайся я из личного любопытства – это было бы вторжением в сокровенное пространство. Поэтому я не стал допытываться и ушёл. Другими словами... просто сбежал.

Ведь не хотел разделять эту боль.

Поступок мусора – вот уместное описание моих действий.

В своё оправдание могу сказать, что не был таким всегда.

Год назад я поехал на одном автобусе с Масаяй.

Кишитани был всеми любимым гением, центральной фигурой класса уже на момент поступления в среднюю школу. Мальчики и девочки всегда улыбались ему.

В тот день были спортивные соревнования, и Масая, выступая последним членом от команды в эстафете, легко отыграл разрыв и выиграл. Тогда все заговорили о нём, и он поднялся на пик своей популярности. Даже я благоговел перед ним и признавал его заслуги.

Казалось бы, для меня, бездаря во всём, он должен был стать ненавистной личностью. Но даже если я пытался смотреть на него сверху вниз, то чувствовал себя ничтожным и признавал его уникальность.

Так уж вышло, что в автобусе я оказался рядом с ним.

– О, Сугавара, можно сяду рядом с тобой?

Он сел, источая запах освежающего кондиционера для волос, и заговорил со мной очень непринуждённо – почти сверхъестественное искусство.

– Кстати, мы почти не общались. Да вообще ни разу не разговаривали с церемонии открытия, не так ли?

– Ну, да, – инстинктивно ответил я, поддаваясь его харизме, кою просто не мог игнорировать.

– Ах, согласись, это до шокирующего редко. Нас никогда не распределяют в одну группу, и ты всегда пропадаешь после школы и во время обеденного перерыва. Деятельность клуба сегодня приостановлена, так что у меня появился шанс поговорить с тобой.

– Но я же ничем не примечателен. Исчезну, и никто даже не заметит. Разве нет?

– Чувак, никто не должен так говорить о себе. В этом мире определённо есть люди, которые захотят с тобой познакомиться.

– На какой это планете?

– Земле. Что за вопрос? О чём ты вообще обычно думаешь?

– О голодных детях в Африке. Что-то в этом роде.

– О-о, звучит потрясающе.

Масая, похоже, неправильно истолковал мои слова и подумал, что я разносторонний человек, увлекающийся историей.

– Ты удивительный. Теперь я о тебе другого мнения. Если уже со средней школы ты думаешь о таких вещах, то должен получить Нобелевскую премию в будущем.

– Ты слишком заморачиваешься. Слышал, беспокоишься, даже когда видишь, что люди неправильно держат палочки для еды. Это правда?

– Да, так и есть. Ну, наверное, всё потому, что моя сестра очень неуклюжая, вот я и стал крайне придирчивым. Возможно, у меня ОКР*. В общем, я странная личность.

(*П.р.: ОКР (обсессивно-компульсивное расстройство) – психическое расстройство, для которого характерны навязчивые мысли, образы или идеи и повторяющиеся действия. В зависимости от содержания выделяют разные виды навязчивости, например, одержимость заражением и загрязнением, вызывающая чрезмерную чистоплотность.)

А казалось, у него просто сложный характер.

Я вдруг заметил, что нормально разговариваю с одноклассником, и изрядно удивился.

Должно быть, мои чувства отразились на лице, и Масая в замешательстве наклонил голову. Я изучил его нос, глаза, уши, рот, волосы и родинку, и меня настигло новое озарение – давно я никем не интересовался.

Масая Кишитани определённо мог привлечь к себе людей.

– Эй, что с тобой? Призрака позади меня увидел что ли?

Меня поразила его способность замечать других. Было чувство, будто я вступил в контакт с инопланетянином.

После того случая я перестал ощущать себя мусором, а его – гением от рождения. За два месяца после того разговора я будто снова стал нормальным человеком.

Тогда, если бы кто-то заговорил со мной, я бы изо всех сил постарался ответить, а ещё попробовал бы поболтать во время обеденного перерыва. Я начал делать заметки, старался не забывать о домашних заданиях и всегда сдавать их вовремя.

Полагаю, что раньше испытывал к Масе ревность, зависть и уважение одновременно, и та встреча произвела на меня решающее впечатление.

Но, как я уже сказал, всё продолжалось лишь два месяца.

– Те ребята, которые получают высокие баллы в тесте личностных качеств, в результате становятся дерзкими и раздражающими, верно?

Это случилось в полдень, я читал в углу класса и случайно услышал разговор девочек, так как им было всё равно на меня.

– Например, та, из третьего класса, говорят, она показывает тестовую карточку другим.

- Да? И на каком она? Довольно высоко, не так ли?
- Верно-верно. На двенадцатом. Всем об этом хвастается. Как бесстыдно.
- А как её зовут?
- Котоми Исикава. Тебе не кажется, что у неё хлам вместо мозгов?

Тут обычные сплетни приняли совершенно новый оборот.

- Хочешь подразнить её? - предложил кто-то.

Жестокая фраза была произнесена столь безразлично, что у меня мурашки по спине побежали. Поэтому я на инстинктах встал.

У сплетниц округлились глаза. Они застыли, а я шагнул к ним, испытывая ужас от их взглядов - с самого детства на меня всегда смотрели так же снисходительно. Но, где-то в глубине души, мне хотелось перестать быть отбросом общества и показать себя героем таким же, как Масая.

- Девочки, вы ужасны, – сказал я, набравшись смелости. – Это лишь слухи, а вы уже строите глупые козни. Как низко.

Они придерживали полы своих блейзеров и, казалось, пытались что-то сказать, но не смогли.

Я думал, что борюсь со злом. Нервничал, но всё же высказался... Надеялся, что, возможно, так получу всеобщее одобрение. Оптимист.

Ещё какое-то время постояв, я вернулся на своё место и продолжил чтение.

Реальность же оказалась не такой красивой.

Через несколько дней, в конце второго семестра, у нас был очередной тест личностных качеств.

В первом семестре я занял 297-е место, а во втором оказался на 345-м, что стало полной противоположностью моим ожиданиям. Я был потрясён скачкообразным ухудшением результатов.

Пока сидел в углу класса, глядя на цифру, за моей спиной внезапно прошёл одноклассник и увидел итог. Коута Като посмотрел на меня с жалостью, и я инстинктивно отвернулся.

- Твой результат... – сказал он. – Несколько человек агитировали не отдавать тебе голоса.
- Как мило с их стороны.

Парень продолжил:

- Ты поругался с группой девочек, верно? Они пришли в ярость и начали распространять необоснованные слухи, например, что ты заглянул в женский туалет, приставал к ним и всё в таком роде.
- Вот как?..
- Да.

– Какая глупость...

– Верно. Но я могу понять их чувства... – добавил Като. – Я больше не буду с тобой разговаривать, Сугавара. Не хочу вмешиваться... Пока.

Он поспешно ушёл, боясь, что другие заметят наш разговор. Его действия позволили мне кое-что осознать: независимо от того, насколько усердно я учился или открывался людям, я всё равно оставался неуклюжим, смущающимся и делающим глупости. Думал, что грациозно плаваю вольным стилем в озере под лунным светом, а оказался брошенным щенком, барахтающимся в канализации.

Даже после моих стараний другие люди отталкивали меня.

Поэтому я перестал пытаться. Какой в этом смысл? Я решил больше не привлекать внимания и стать непримечательным.

В моих глазах другие потеряли свой блеск.

Масая после прекратил притеснения Исикавы. Моё же мужество лишь разожгло пламя их злобы. Полная бессмыслица.

Благодаря этой ситуации я осознал два момента: во-первых, я не могу стать как Масая, во-вторых, мне лучше быть отбросом.

Так мне снова стали безразличны окружающие.

До определённого человека...

Целых два дня я думал о том, почему Исикава могла плакать, но даже близко не мог представить себе причину.

Я пытался влиться в коллектив в течение двух месяцев, но это было год назад. После же я снова стал отверженным. Она жила будто в другом мире, точно так же, как и Масая.

Поэтому я спросил своего друга. Соу единственный мог помочь.

«Хм, не уверен. Я не знаю её. Если хочешь всё обсудить, расскажи подробней».

Надежда оказалась тщетной, ведь я не собирался раскрывать подробности. Не хотел.

«У тебя такой трудный характер. Ты всё больше заикливаешься на ней. Понимаешь?»

«И?»

«Да ты влюбился в неё. Душераздирающая ситуация».

Я не стал опровергать его слова. Страсть... Может быть...

«Но советую - научись проявлять сдержанность, – появились слова Соу на экране. – Ты же отверженный. Говоришь, живёшь, не заботясь о том, что говорят другие? Но ведь просто защищаешься от новой боли. Верно? Ты пытаешься понять её мысли, но так сам себе вредишь. Давай объективно, шансы на то, что ты ей понравишься таким, какой есть сейчас, ничтожно

малы. Ты вообще хоть кто-нибудь нравился раньше? Ведь не умеешь одеваться, оказывать знаки внимания, да и в спорте плох».

Возразить мне было нечего. Тут же вспомнилась моя неудачная попытка год назад.

А Соу продолжал:

«Пришло время решительных мер. Сугавара, приведи себя в порядок, прилично оденься и научись ухаживать за девушками ради неё... Если хочешь стать кем-то нормальным, то должен пройти весь этот путь. Однако, если не будешь работать, а продолжишь лишь эгоистично надеяться, что как-то понравишься ей, ничего не получится. Выбери: остаться ли отбросом или превратиться в настоящего человека».

Я знал, что он прав, но не мог решиться. У меня перехватило дыхание, и я закрыл окно чата. Зачем вообще стал обсуждать с ним эту тему?

Но мысли не покидали меня, даже когда я отошёл от компьютера.

У Котоми Исикавы проблемы. Могу ли я что-нибудь для неё сделать? Как мне быть?

«Подождите-ка, разве я говорил Соу своё настоящее имя?» - проскользнуло в моей голове.

Но я не придавал этому значения, ведь всё, что он написал помимо этого, я прекрасно понимал раньше и сам.

Пока меня не беспокоили взгляды окружающих, я мог чувствовать себя в безопасности. Пусть и на 369-м месте в тесте личностных качеств. Пока я игнорировал других, мне не причиняли боли. Проще было быть отверженным.

Поэтому, когда она заплакала и пошла на школьную свалку, я должен был сделать вид, что не заметил, однако по глупости побежал за ней, не смог проигнорировать. Ведь влюбился в Котоми Исикаву.

Ни на что не годный отверженный и она, сказавшая, что завидует мне. Уже после той фразы я отдал ей своё сердце.

Она резала на свалке игрушку дельфина - розовое млекопитающее размером с ладонь. Я вспомнил, что эта вещь висела на её сумке. Теперь же игрушка была бездушно изрезана, а вата торчала во все стороны. Печальное зрелище.

Я подошёл к вздрогнувшей и подпрыгнувшей девушке. Поняв, что это я, она тут же расслабилась.

– Так это ты, Сугавара, – сказала Исикава со слезами на глазах. – Не пугай больше так.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я прямо.

Она поморщилась, но всё же ответила:

– Разбираюсь с кое-чем раздражающим.

– Раздражающим?..

Я посмотрел на изрезанного дельфина. Думал, это ценная для неё вещь.

– Жизнь отнюдь не спокойное плавание. Она страшна. Но умей я читать мысли, определённо стало бы легче, – сказала Исикава, начав топтать дельфина. – Не пришлось бы делать таких вещей.

Я кивнул:

– Ага. С помощью телепатии ты могла бы стать богатой и зажить спокойно.

– А? Нет, я не про деньги.

– Я всего лишь шучу.

– А-ха-ха-ха, так ты шутник, Сугавара.

Разговор прервался. Я не знал, что ещё сказать. Казалось, исчерпал лимит в способности вести диалог. Хотел добавить несколько приятных слов, чтобы понравиться ей. Но это корыстное желание никак не помогало мне её утешить.

Я стоял как пугало, а она отбросила ножницы, обхватила руками колени, без сил рухнула на землю и заплакала.

– Не понимаю. Все скрывают что-то от меня! И смеются за моей спиной, потому что я ничего не знаю. Смотрят свысока, сплетничают. Но что я сделала?! Думала, что со всеми в хороших отношениях.

– ...

– Я страдаю. Должно быть, и мой результат в тесте личностных качеств понизится. Если от меня что-то скрывают, значит, не хотят делиться секретами, да? Меня выкинули за борт.

– Не вынесешь, если твой рейтинг упадёт даже на 10 мест, верно?

– Конечно... Это такое давление...

Она опять подхватила ножницы и продолжила резать игрушку.

– Все говорят одно и то же. Мама, папа, учителя. Даже в манге и аниме все твердят: «Дорожите своими друзьями». Если умна, всё равно должна дорожить ими. Если сильна, самое главное – друзья. Но если все вокруг говорят, что не хотят со мной дружить, значит, я безнадежна? А тест личностных качеств – глупый индикатор.

– Понимаю.

– Почему со мной так обращаются? Наказывают, завидуют, дискриминируют. С меня хватит! Я не хочу такого внимания. Очень боюсь, что надо мной начнут издеваться как в прошлом году...

– ...

– Не хочу, чтобы ко мне плохо относились, пристально смотрели, цокали... Они думают, что я заслуживаю упасть в рейтинге теста, и тогда-то начнут смотреть на меня свысока... Это причиняет боль, – сказала Исикава слабым голосом.

Я почувствовал раздражение.

– Мне это знакомо! – выпалил я.

Но девушка, похоже, не придавала этому значения, лишь посмотрела на меня растерянным взглядом.

Почему? Я ведь понимал её страдания. Воспоминания о собственном прошлом вызвали боль в сердце.

Но тут я увидел несколько порезов на руках Исикавы и опять на секунду потерял дар речи. Порезалась ножницами?

Я прижал ладони к груди, чувствуя биение сердца, и продолжил:

– В таком случае просто сдайся, - эти слова звучали искренне. – Что плохого в том, чтобы быть отверженной? Что плохого в том, что тебя не любят? Если продолжишь бояться других, живя в боли, то не сможешь ходить в школу. Лучше игнорируй всех, так тебе будет легче жить в этом мире.

– Как же мне это сделать? – покачала головой она. – Последние четырнадцать лет я заставляла себя улыбаться, будто клоун, смеялась над глупыми выходками других, жила для своих друзей.

– Но если так будет продолжаться, ты не выдержишь. Разве не говорила, что завидуешь мне? Я беспокоюсь за тебя. Я... – поколебавшись, я всё же продолжил: – ты мне нравишься. Я не хочу, чтобы ты страдала.

Мои щёки горели, и мне очень хотелось окунуться с головой в ледяную воду. Однако было не время думать о странных вещах. Я поднял ножницы и выбросил на свалку. Исикава вновь обхватила колени руками и застыла. Если бы не её широко распахнутые глаза, я бы подумал, что она уснула.

Я слышал крики бейсболистки, и как кто-то из баскетбольного клуба в спортзале вёл мяч в игре. Молчание затянулось. Я сел рядом с Исикавой, глядя в хмурое небо.

Где-то через три минуты она, наконец, заговорила:

– Да, я завидовала тебе, Сугавара... Но затем осознала, что всё не так.

Я не мог понять, что означают эти слова, и молчал.

Исикава встала, посмотрела на меня и с жалостью произнесла:

– Я просто не могу завидовать тебе. Ты же Сугавара. Да во всём мире не найдётся человека, кто бы тебе позавидовал. Ты же непопулярен, плох в учёбе и спорте.

– Но, Исикава, ты же...

– Я так думала, но ошиблась. Предполагаю, ты совсем не видел счастья. Кажется, словно всегда страдаешь от боли. Будто живёшь в аду.

Потом она снова заплакала и покинула меня, бросив на прощание:

– До свидания, Сугавара.

Я не смог ей ответить и остался сидеть на месте.

Есть отвратительный одинокий отброс, социальный «аутист», которого бросили за считанные мгновения, и это я, Сугавара. Слова Исикавы были настолько шокирующими, что заставили меня пошатнуться.

Не ожидал, что меня когда-то так жестоко отвергнут!

Вот почему не нужно становиться нормальным человеком. Жить без надежды на что-либо лучше. Год назад, полгода назад, сейчас – каждый раз я вновь и вновь приходил к этому болезненному осознанию.

- С тех пор как была создана Земля, бесчисленное количество существ, равное количеству звёзд, занимаются сексом! Почему я исключение? – ворчал я, палочками накалывая кусочки жареной курицы в продуктовом уголке супермаркета.

У меня была тарелка наггетсов. Я занял диван на шестерых и запихивал маслянистые куски себе в рот, продолжая проклинать мир. От всего сердца я оказался рад, что у меня нет сверхспособностей. Ведь если бы они были, то треть человечества непременно погибла бы из-за моего гнева.

– Эй, мальчик, – раздался голос передо мной.

Я поднял голову и увидел высокую, стройную женщину. Но не мог сказать, студентка ли это колледжа или уже работающий человек. У неё были длинные ноги, что нетипично для большинства японцев, а также пронизательный взгляд.

– Э-э-э... – я не хотел неприятностей, поэтому поспешил извиниться: – Простите, но это моё место. П-пожалуйста, уходите.

– Нет-нет, я не по этому поводу. Что, выгляжу злой?

Выражение её глаз стало ещё более отталкивающим, и она села передо мной.

– Просто беспокоюсь. У тебя что-то случилось?

– А?

– Сложно игнорировать плачущего мальчика из средней школы. Согласен?

Я положил левую руку на щеку - воды на моём лице оказалось больше, чем я предполагал.

– Вот, угощайся, – женщина протянула мне блины. Розовое тесто было наполнено клубникой. – Должно быть, тебе станет лучше, если съешь что-нибудь сладкое. Ты ведь сейчас ел солёное?

Я поспешно принял угощение, поблагодарив её.

– Мне только что отказали. Обычное дело, – просто объяснил я.

Мог бы и проигнорировать её, но заговорил в качестве благодарности за блины.

– Я оказался наивен и потерпел неудачу.

– О, такой невинный.

– Нет, я руководствовался непристойными мотивами. Мы разговаривали всего пару раз, но я не избалован вниманием девушек, так что подумал о том, чего не было. Разнервничался, выдал желаемое за действительное, а потом меня бросили. Не захотели общаться с отбросом, хоть мне и неловко в этом признаваться.

– Ой, – похоже, ей было всё равно. – Ты ел эту курицу? Хозяин этой точки решил, что одного рамена недостаточно, поэтому и ввёл это непопулярное блюдо. Не думала, что его реально кто-то купит.

– Ох...

– Я заходила сюда каждый день в старшей школе, и хозяин всегда жаловался мне на это. Такое ощущение, что я единственная, кто любит приходить сюда и есть жареного цыплёнка.

– Эх.

– Но сегодня я познакомилась с товарищем, признающим жареную курочку. Я тронута. В знак нашей дружбы, можно мне кусочек? – попросила она.

Неужели просто хотела есть? Я дал ей кусочек.

Она явно осталась довольна, вытерла рот салфеткой, лежащей на столе, и добавила:

– Даже если мотивы нечисты, а исход трагичен, это не значит, что всё бессмысленно. Я вот люблю жареную курицу, а теперь знаю ещё кое-кого, кто разделяет эту любовь. Даже если владелец считает начинание неудачным, это не повод расстраиваться, всё может измениться.

Я не до конца понимал, что она имеет в виду, но, если хорошенько подумать, логика в её речи была.

– Спасибо за поддержку... Но, к сожалению, со мной не происходит счастливых встреч. Даже таких, как эта кража чужой жареной курочки.

– Не слишком ли громкое слово «кража»? Это всего-то дружеский жест.

– В любом случае со мной не происходит ничего значимого.

– Но ты плачешь, потому что тебя отвергли. Это разве незначительно?

Для меня эта мысль стала неожиданным выводом.

– За 14 лет я никогда не надеялся на других. Я плох в учёбе, не могу много разговаривать с людьми, меня никогда не хвалили за что-либо. Я не хочу, чтобы мне было больно, поэтому продолжаю жить ни на что не надеясь.

– Меня не волнуют мотивы или случаи. Я просто признаю твою мужественность.

Услышав эти слова, я сразу встал и захотел уйти.

– Можешь доедать...

– Хм, действительно? Тут много.

– Всё в порядке... Ты же угостила меня блинчиками.

Я не выдержал и задал вопрос, крутящийся на языке с начала нашего диалога:

– Ты Соу?

– А? Я Сайо.

Что ж, ошибся. Конечно, тот приятель в онлайн пространстве никогда не относился ко мне так же хорошо, как эта девушка.

Я поклонился и повернулся, чтобы уйти.

Я практически ничего не знал об Исикаве, кроме одной вещи - она и раньше подвергалась оскорблениям. Поэтому боялась привлечь внимание, но всё же набралась смелости и поговорила со мной.

А у меня возникли непристойные мысли. Не будем уточнять, сколько раз я мастурбировал, представляя её. Безнадёжный мусор средней школы, у которого были чувства, совершенно далёкие от невинных.

Но даже так я надеялся увидеть улыбку Исикавы, защитить её. И эти желания сохранились, как бы я ни отрицал их.

Поэтому я решил начать революцию. Хочу счастья.

Когда я вышел из ТЦ, мир уже окрасился в багряно-красный. Под палящим зноем мой волосы трепал холодный ветер.

Тогда я произнёс вслух свои мысли:

– Я хочу счастья. Пусть оно и будет не таким, как у всех. Пусть буду последним в тесте личностных качеств, но хочу продолжать улыбаться. Хочу делать пожертвования развивающимся странам. Не хочу, чтобы меня ругали, и не буду жаловаться другим, даже если меня унижат. Если на меня попробуют оказать давление, буду холоднокровно сидеть, сложив руки. Если на меня обрушатся несчастья, буду жить счастливее наперекор. Даже если весь мир ополчится на меня и захочет упечь за решётку, я не пойду на поводу. Я буду жить счастливо.

Это был последний раз, когда я плакал.

Я решил двигаться к счастью, пока жадно ел блины большими кусками.

– Я собираюсь создать класс, в котором Исикава и другие смогут улыбнуться. Собираюсь показать, что даже отбросы чего-то стоят. Исикава сказала, что школа – это ад. Что ж, я уничтожу её, а также этот тест личностных качеств.

Я вспомнил класс - Масая, Ниномия, Сетогуро, Комуро, Цуда, Ватабе, Исикава, Като... - и решился.

Я стану настоящим отбросом.

Это было единственное решение, принятое мною в жизни.

Что ж, давайте повторим. Если вы забыли, то позвольте напомнить - мой рассказ следует читать как сатиру. Он настолько же прост.

Так что, пожалуйста, посмотрите свысока на пустые надежды и мечты этого мальчика из средней школы. Просто посмейтесь надо мной.

Если бы кто-то попытался остановить меня в тот момент, конец этой истории был бы совсем другим.

Ведь я решил начать революцию, независимо от цены, которую должен буду заплатить.

Даже если меня все бросят. Даже если придётся стать врагом всему миру.

<http://tl.rulate.ru/book/72173/2764779>